

ЖС 9014

**ФИЛОСОФСКОЕ
УЧЕНИЕ
МАРКСА**

У ФИЛИАЛ

ОГИЗ · СОЦЭКГИЗ · 1933

ЖС-9014

173
2363

ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ МАРКСА

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО
ПЛЕХАНОВУ

★

Составлена
В. Л. САРАБЬЯНЫМ

У ФИЛИАЛ

Г.П.Б. в Лнгр.

Р. 1984/г.

Акт 23/1

Фонд Плеханова
№ 2363

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва • 1988 • Ленинград

ПРЕДИСЛОВИЕ

Г. В. Плеханов, философские работы которого мы предлагаем вниманию нашего читателя, пользуется достаточной и вполне заслуженной известностью. В. И. Ленин в своей известной брошюре «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина», пишет о философских работах Плеханова следующие замечательные слова:

«В скобках уместным, мне кажется, заметить для молодых членов партии, что *нельзя* стать сознательным настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это — лучшее во всей литературе марксизма».

Не ограничиваясь этим, В. И. Ленин дает там же прямое указание на необходимость выделить в особые томы философские статьи Плеханова: «Кстати, нельзя не пожелать, во-первых, чтобы выходящее теперь в свет издание сочинений Плеханова выделило все статьи по философии в особый том или особые томы с подробнейшим указателем и пр. Ибо это должно войти в серию обязательных учебников коммунизма. Во-вторых, рабочему государству, по-моему, следует требовать от профессоров философии, чтобы они знали изложение марксистской философии Плехановым и умели передать учащимся это знание».

Из этих слов видно, сколь большое значение В. И. Ленин придавал философским работам Плеханова и насколько необходимым он считал их основательное изучение.

Г. В. Плеханов с первых же своих философских работ занял очень видное место на философском фронте марксизма не только в России, но и за границей. Действительно, его знаменитая книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», появившаяся в середине 90-х годов прошлого столетия, была, выражаясь образно, своего рода евангелием русских марксистов и сыграла выдающуюся роль в деле отвлечения лучшей части тогдашней молодежи от народничества и привлечения ее к ортодоксальному марксизму.

Когда в 90-х годах выступает на философскую сцену ревизионизм, Плеханов выступает против него во всеоружии своих громадных философских знаний и занимает чрезвычайно видное место среди борцов за философию марксизма — за диалектический материализм.

Философские работы Г. В. Плеханова обладают целым рядом больших достоинств, за которые Ленин их так высоко ценил, но не ли-

пены недостатков, которые Ленин подверг основательной критике. На этих достоинствах и недостатках мы здесь вкратце остановимся.

Первое достоинство философских работ Г. В. Плеханова, это — решительный отказ «пополнить», «доразвить», «обосновать» марксизм философией какого бы то ни было другого философа.

Плеханов превосходно показывает, что марксизм есть цельное, до конца последовательное, научное мировоззрение, которое не нуждается ни в каких «дополнениях», требующее лишь дальнейшего своего развития. Он в области философии дает резкий отпор Эд. Бернштейну, ревизирующему марксизм по всем основным вопросам и предлагающему двигаться назад к Канту, дабы «недоработанный» марксизм дополнить философией Канта.

Плеханов бьет по Струве и другим отрицателям диалектики, вскрывая антиреволюционный смысл их выпадов против диалектики.

Ненадано разит Плеханов Богданова и всех тех, кто пытается сочетать марксизм с махизмом, эмпириокритицизмом и прочими многочисленными разновидностями субъективного идеализма.

Марксизм — доказывает с большой убедительностью Плеханов — не нуждается в философском обосновании. Марксизм философски обоснован в полной мере Марксом и Энгельсом.

Второе достоинство философских работ Г. В. Плеханова заключается в том, что в них разработаны целые отделы истории материалистической философии.

Плеханов реставрировал французских материалистов, вокруг имени которых за столетие — со времени торжества буржуазии в революции XVIII в. — успело накопиться много клеветы и просто безграмотных толкований. Буржуазные историки философии уже давно утратили способность говорить правду о последовательных для своего времени, боевых — какими были Ламетри, Гольбах, Гельвеций, Дидро — материалистах. Одни — клеветают сознательно, другие — ослеплены ненавистью к материализму, третьи — не считают нужным изучать «сухих», «простеньких», «узких», «ненаучных», «агитаторов от философии» и пишут о них с чужих вражеских слов.

Маркс в своем отрывке в «Святом семействе» отметил выдающееся значение материалистов XVII и XVIII вв. Англии и Франции. Плеханов, базируясь на Марксе и Энгельсе, основательно проработал таких выдающихся мыслителей, как Ламетри, Гольбах и особенно Гельвеций, и показал, во-первых, что французский материализм был в области философии последовательным, боевым материализмом, во-вторых, что он стоял на высоте науки своего времени и ему чужда была та наивность и простота постановки вопросов — например, субъекта и объекта, возможности сведения мышления к движению материи и т. п., которую ему приписывали его «критики».

Плеханов посвятил также не мало внимания материалистической философии Спинозы, а также английским материалистам XVII и XVIII веков.

Третья историческая заслуга Г. В. Плеханова заключается в его борьбе с возродившимися в конце XIX в. и ставшими модными в XX в. неокантианством и субъективным идеализмом.

Плехановские статьи против эмпириокритицизма, кантовской «вещи

в себе» и юмовского скептицизма списали себе заслуженную известность.

Следует еще отметить, что в философских работах Г. В. Плеханова поражают огромная его эрудиция и большое знание предмета, о котором он высказывается, а также их стиль, их художественное оформление. Безукоризненное мастерское владение словом, умение найти для той или иной цели и мысли художественный образ, вспомнить Шекспира, Мольера, Салтыкова-Щедрина или Гоголя и всегда это сделать к месту и во-время, коротким и метким каламбуром убить своего противника, поставить его в бесконечно смешное положение — это все свойственно Плеханову, особенно в его полемических философских работах.

Благодаря указанным выше достоинствам философских работ Плеханова, эти последние служат не только прекрасным средством для знакомства с марксистской философией, но также и средством заинтересовать ею читателя.

Однако, несмотря на все отмеченные нами достоинства философских работ Плеханова, мы не находим в них, как в работах В. И. Ленина, продолжения и дальнейшего развития философии Маркса и Энгельса. Нередко мы находим у Плеханова упрощения, иногда искажение и опошление марксистской философии — материалистической диалектики.

В. И. Ленин неоднократно указывал на это. К основным недостаткам Г. В. Плеханова необходимо отнести прежде всего довольно резко выраженный, особенно во второй половине его литературной деятельности, крен в сторону созерцательского объективизма, который с последовательностью, достойной лучшего приложения, был развиваем меньшевистствующим идеализмом и т. Дебориним прежде всего.

Этот созерцательский объективизм свойствен всему материализму до фейербаховского включительно, как отмечает Маркс в 1-м тезисе к «Фейербаху». Плеханов же отдал Спинозе, французским материалистам и Фейербаху дань в столь большой мере, что определяя марксизм как своего рода спинозизм-фейербахианства, не только не смог дать глубокой критики спинозизма и фейербахианства, но даже упрекал Маркса в том, что последний безосновательно обвинил Фейербаха в забвении практики как действительного критерия истины.

Это увлечение фейербахианством не в малой мере было результатом того, что Плеханов до конца своей жизни сохранил многое, унаследованное от русского просветительства, особенно от Белинского и Чернышевского. Чернышевский был верным учеником Фейербаха; он, как и Белинский, как и другие просветители, мучился над проблемой оправдания своих идеалов объективной необходимостью. На место вымышленных идеалов лучшие просветители того времени пытались поставить идеалы, как строго научный вывод из неумолимого процесса объективной необходимости. Но просветителям не дано было вскрыть сущность исторической необходимости, так как они в объяснении общественных процессов были в конце концов идеалистами, не понимая ни необходимости смены революционным путем общественно-экономических формаций, ни роли классовой борьбы и отдельных классов в этой смене.

Как ни активны были Белинский, Добролюбов и Чернышевский сами по себе, как ни страстно стремились они перестраивать жизнь, но в их мировоззрении личность была все же не активным сознательным творцом общественного процесса, а исполнителем воли какой-то своего рода судьбы, стоящей над людьми; той самой судьбы, которая выступала в форме абстрактной объективной необходимости. Не люди—творцы исторической необходимости, а историческая необходимость, как некий мифологический Геркулес, есть творец людей-пигмеев. Здесь нет единства необходимости и свободы, а есть метафизическое их противопоставление. Здесь царят безраздельно объективное время и пространство.

Элементы такого именно понимания исторической необходимости мы находим и в работах Г. В. Плеханова. Конечно он как марксист знал, что люди сами делают свою историю, что от поведения классов зависит тот или иной путь общества. Однако и у Г. В. Плеханова конкретность истины дана конкретностью времени и пространства, как, например, у Чернышевского, тогда как у Маркса и Ленина она дана конкретностью времени, пространства и субъекта (класса). Это забвение субъекта-класса, действительного творца истории безусловно замазывает действительную роль класса и роль действительного познания классом объективной необходимости, одним из действующих «факторов» которой является он сам, и тем больше, тем результатнее, чем он сам активнее и сознательней.

Г. В. Плеханов, конечно, не игнорирует роли пролетариата, но он часто подчиняет ее общеклассовым целям, как выражению решающих, по его мнению, моментов в объективной необходимости, и делает это тем последовательнее и настойчивее, чем более последовательно смыкается в области политики с оппортунизмом.

Меньшевизм Г. В. Плеханова не мог, конечно, не сказаться на его философии. Внес же он глубоко оппортунистическую, явно оборонческую «поправку» к известной формуле Маркса о том, что история человечества есть история борьбы классов. Дополнил же он ее словами: «и сотрудничество классов»! Звал же он пролетариат на борьбу за уничтожение германского империализма-цезаризма в союзе с империалистами Англии, Франции и России.

По сути дела нельзя найти существенного различия между этими призывами и призывами социал-фашистов прежде всего бороться за восстановление производительных сил и подчинить этой задаче всю деятельность пролетариата.

Созерцательский объективизм свойственен меньшевизму, и Г. В. Плеханов уплатил ему богатую дань и в своей трактовке Фейербаха, Белинского, Чернышевского, и в своей борьбе с тенденциозностью в искусстве, и в своих историко-исследовательских работах по истории.

Эту ошибку Г. В. Плеханова, ее классовые корни, как и ее глубоко-классовый, антипролетарский смысл, мы должны вскрывать и драться за марксистско-ленинское, за единственно пролетарски-революционное понимание объективной необходимости. Это следует делать с тем большей энергичностью и последовательностью, чем больше социал-фашизм «работает» над контрреволюционным делом сбить рабочий класс с тех путей, на которых он бьется за чисто пролетарские революционные цели. Меньшевиствующий идеализм, в лице т. Де-

борина, Карева и др., последовательно развивал ошибки Г. В. Плеханова в глубоко оппортунистическую концепцию, резко противостоящую взглядам Маркса, обвинявшего весь материализм — до фейербаховского включительно — в том, что он действительно рассматривает «только в форме объекта или в форме созерцания, а не как чувственно-человеческую деятельность, не в форме практики, не субъективно» (Арх., кн. 1, стр. 200).

Другим крупным недостатком в философии Г. В. Плеханова является поверхностное понимание диалектики. Правда, говоря о материалистической диалектике, он касается почти всех существенных ее сторон. У него мы находим категории единства противоположностей, самодвижения, отрицания отрицания, качества, количества, меры, непрерывности и прерывности, свободы, случайности и необходимости; он блестяще критикует тех (например Михайловского), кто основной категорией диалектики считает «триаду». И все же он с материалистической диалектикой не справился. Как много им написано о «скачках» в природе и обществе, о переходе количества в качество, о свободе и необходимости, и почти ничего о ядре материалистической диалектики — единстве и борьбе противоположностей. И при этом Г. В. Плеханов не развивает материалистической диалектики, не работает над ее категориями, и вместо диалектики как философской науки, дает лишь сумму примеров. Написанное Г. В. Плехановым о материалистической диалектике в сравнении с работами Маркса, Энгельса, не говоря уж о работах Ленина, начиная с «Друзья народа» и кончая его «Еще раз о профсоюзах» и сборниками — прежде всего IX и XII несомненно шаг назад. Можно без преувеличения сказать, что у Г. В. Плеханова нечему поучиться тому, кто проработал марксовы «Нищету философии» и «Капитал», Энгельсов «Анти-Дюринг», поскольку речь идет о материалистической диалектике. А ведь эти работы были хорошо известны Г. В. Плеханову.

Можно даже удивляться тому факту, что когда Плеханов пишет о теории познания Спинозы, Гольбаха, Гельвеция, Фейербаха, когда отвечает Богданову, когда полемизирует с Конрадом Шмидтом, Петцольдом, Рихтером и т. д., он не упоминает даже о диалектике.

Подчеркнувши одинажды, что без диалектики не может быть научной теории познания, Г. В. Плеханов не развивает этого положения, не показывает в своих гносеологических работах, имеется ли связь диалектики с теорией познания и в чем она состоит. И это отнюдь нельзя считать ни невнимательностью, ни грехом формы изложения, ни методическим средством сосредоточить внимание читателя на строго ограниченной проблеме «субъекта-объекта». Нет, здесь сказано именно поверхностное понимание материалистической диалектики. Достаточно сослаться в подтверждение этого положения на то, как Г. В. Плеханов соскальзывал на пути механического материализма в вопросе о сведении.

В приложении к «Монистич. взгляду...» он относит к слабости исторического материализма и биологии то, что они не могут объяснить историю общества и происхождение видов механически; в своей работе о Чернышевском Г. В. Плеханов одобряет великого просветителя за его сведение всех жизненных процессов к физико-химиче-

ским. Мы в примечаниях специально останавливаемся на этой ошибке Г. В. Плеханова.

Тт. Бухарин, Перельман, Варьяш, Перов, Тимирязев, Сарабьянов и другие настоящие и бывшие механисты — все в той или другой форме стояли или стоят на точке зрения сведения всех процессов к механическим или физико-химическим закономерностям.

«Критика» их концепции со стороны меньшевистствующих идеалистов была идеалистической и схоластической.

Необходимо продолжать вскрывать антимарксистскую сущность механистической теории сведения и решительно, по-большевистски бить как по ее современной форме, так и по плехановским ошибкам, которые развернуты в механистических работах упомянутых товарищей, использовавших авторитет Г. В. Плеханова.

Неглубокое понимание материалистической диалектики отозвалось и на плехановской трактовке важнейшей философской проблемы бытия и сознания, объекта и субъекта.

Г. В. Плеханов, решительно высказываясь против субъективного идеализма, отрицающего существование объективного мира, а также и против кантовского учения о непознаваемости «вещи в себе», не смог до конца преодолеть агностицизм великого немецкого философа. Г. В. Плеханов в своей гносеологии развивал материалистическую точку зрения, но склонялся к той ее форме, которую Ленин назвал иероглифическим материализмом. Правильно отмечая, что ощущения нельзя приписывать воспринимаемому объекту, Г. В. Плеханов отрицал похожесть возникающих в нас образов на отражаемую вещь. Здесь в полной мере сказалось то обстоятельство, что в плехановской гносеологии почти целиком выпала материалистическая диалектика. Г. В. Плеханов ограничивается доказательством того, что сознание определяется бытием, что без объекта нет субъекта и что без субъекта есть объект.

В то время как В. И. Ленин изучает процесс нашего познания, говорит об ощущениях, рассудке и разуме, как о диалектическом единстве в его развитии, в плехановских работах это развитие или совсем выпадает или упоминается формально и не служит для Г. В. Плеханова объектом изучения.

Г. В. Плеханов не исследует и почти молчит о нашем внутреннем мире, как о процессе перевода и переработки материального на язык человеческого сознания.

Получается, что наше сознание пассивно, что оно подобно фотографическому аппарату или сейсмографу, бесстрастно регистрирующему колебания почвы.

Совсем иначе смотрит В. И. Ленин, который констатирует скачек между ощущением и разумом, и в своей критике формальной логики подчеркивает вместе с Гегелем существенное различие между рассудком и разумом.

Ленин основательно проработал идеалистическую диалектику Гегеля, он перевел на язык материалистической диалектики все существенные категории первой, тогда как Г. В. Плеханов, написавший не мало специальных страниц и глав, посвященных Гегелю, не углубился в диалектику последнего, и Ленин по этому поводу писал:

«Плеханов написал о философии (диалектике), вероятно, до 1 000

страниц... Из них о большой логике, по поводу нее, ее мысли (т. е. собственно диалектика как философская наука) ничего».¹

Для Ленина теория познания равно диалектике. Ленин пишет: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности».²

«Бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности».³

Абстрагируясь от этого «бесконечного процесса углубления познания», нельзя дать правильной теории познания, а Г. В. Плеханов в своих работах только, как бы походя, упоминает о процессе познания, все свое внимание сосредоточивая на опущении и впечатлении, т. е. на простейших формах нашего внутреннего мира. Но в таком случае он неизбежно скатывается к иероглифическому материализму, т. е. к отрицанию похожести наших представлений на объекты наших восприятий.

Еще Демокриту была известна та элементарная для материалиста истина, что роза пахнет только тогда, когда ее нюхают (см. Плеханова 2-е письмо к Богданову) и что «вещь в себе имеет цвет лишь будучи поднесена к глазу, запах — к носу и т. п.».⁴

Фейербах правильно указывал, что если бы человек имел не пять, а шесть органов чувств, он не узнал бы никаких новых предметов и новых свойств вещей, хотя внутренний мир человека был бы богаче.

Но в том-то и дело, что ощущение цвета есть только начало познания вещи, которое в своем развитии дает нам представление о существовании «независимо от нас и от нашего сознания» «волн эфира определенной длины и определенной быстроты», вызываемых этой вещью, «которые, действуя на сетчатку, производят в человеке ощущение того или иного цвета».⁵

Можем ли мы сказать, что наше представление, если оно правильное, о длине и быстроте эфирных волн не похоже на действительность, а только «соответствует», только иероглиф, условный знак? Соответствует — чему? Иероглиф — чего? Неизвестно. Агностицизм. Непознаваемость вещи в себе. Иероглифический материализм, выступая в лице Г. В. Плеханова против Канта, утверждает своей аргументацией основное положение Канта.

Ленин же говорит о процессе познания, как о процессе «снятия слепка» (понятия).⁶

Но можем ли мы доказать наличие адекватности в наших представлениях о вещах этим последним?

Г. В. Плеханов, оперируя с ощущениями, часто отрицает такое наличие (пример хотя бы с кубом и тенью). Он исходит из логического рассуждения: впечатление, как результат взаимодействия субъекта и объекта, не может быть похоже ни на субъект, ни на объект.

¹ Ленин, сб. XII, стр. 223 — 225.

² Ленин, сб. IX, стр. 165.

³ Ленин, сб. IX, стр. 259.

⁴ Ленин, сб. IX, стр. 125.

⁵ Ленин, Матер. и Эмпириокр.

⁶ Ленин, сб. XII, стр. 339.

Не говоря уже о том, что и с точки зрения формальной логики это рассуждение не правильно, ибо в отпечатке на сырой земле моей ноги имеется сходство с последней, хотя он есть результат взаимодействия ноги и земли, — мы должны с полной силой подчеркнуть, что такие проблемы не могут быть решены и не должны решаться лишь с помощью силлогизмов.

«Вопрос о том, свойственна ли человеческому мышлению предметная истина, вовсе не есть вопрос теории, а *практический* вопрос. На практике должен человек доказать истинность, т. е. действительность и силу, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто *схоластический* вопрос».¹

«От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к *практике*...»²

Конечно, на той же позиции стоит и Г. В. Плеханов, который пишет:

«...если мы хотим проверить истинность наших представлений о предметах, то мы должны апеллировать к чувственному опыту, т. е. к *практике*».³

Однако это марксово положение не служит Г. В. Плеханову руководством к действию, когда он решает проблему характера познаваемости вещей, а в результате он скатывается к иероглифическому материализму.

В той или иной форме и степени иероглифический материализм развернут в механистических и меньшевистско-идеалистических работах гг. Варьяша, Деборина, Луппола, Сарабьянова, наиболее же последовательно — Л. И. Аксельрод. Для всех них характерны недооценка и недопонимание роли практики, как единственного достоверного критерия истины, разрешение проблемы субъекта-объекта прежде всего логистически, неумение понять процесс познания, как процесс диалектического перехода от созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике.

И если меньшевистствующие идеалисты отмечали разные этапы внутреннего мира человека, то, во-первых, они отделяли один этап от другого непроходимыми пропастями, т. е. рвали единый процесс познания, во-вторых, третируют практику.

Механисты же, хотя подчеркивали роль практики, но отрывали ее от абстрактного мышления, как бы противопоставляли ее этому мышлению. В одном случае мы имеем идеалистический схоластический рационализм, как гипертрофированное развитие плехановского логистицизма, в другом — ползучий эмпиризм, как гипертрофированная реакция на бесплодность этого логистицизма. И там, и здесь — крайности разрыва единства противоположностей, единства теории и практики, мышления и эксперимента.

Отмечая основные дефекты в философии Г. В. Плеханова, мы должны остановиться также и на том очень существенном факте, что Г. В. Плеханов только походя касается той революции, которая происходит в мире естественных наук.

¹ Маркс, Тезисы о Фейербахе. Арх. М.-Энг. Кн. I, стр. 200.

² Ленин, сб. IX, стр. 165.

³ Собр. сочин., т. VI, стр. 349.

«Нельзя взять в руки — пишет Ленин — литературы махизма или о махизме, чтобы не встретить претенциозных ссылок на новую физику, которая опровергла материализм и т. д. и т. п. Основательны ли эти ссылки, вопрос другой; но связь новой физики или определенной школы в новой физике с махизмом и другими разновидностями современной идеалистической философии не подлежит ни малейшему сомнению. Разбирать махизм, игнорируя эту связь, — как это делает Плеханов — значит издеваться над духом диалектического материализма...»¹

Естествознание XX в. богато новыми крупными достижениями во всех значительных своих областях. На фоне этих достижений в новой форме встают старые проблемы и рождаются новые. Решить их без философских научных обобщений нет никакой возможности. Без материалистической диалектики все завоевания, все новые открытия естествознания остаются кучей материала, среди которого естествозна- нияк пробирается как бы оцупью.

Энгельс в «Диалектике природы» зовет натуралистов заниматься философией, овладеть материалистической философией, беспощадно критикует убогий индуктивный метод («индуктивный осел — Ньютон») физиков-материалистов, третирующих философию.

Ленин, вооружившись всем богатством современного естествознания, констатирует, как последнее в муках рождает свою материалистически-диалектическую форму, но рождает в потемках, стихийно, и развивает убедительно, одновременно страстно, мысль о том, что на путях осознанной материалистической диалектики, только на этих путях, физика и все естествознание поднимутся до невиданных высот знания.

Одновременно и Энгельс и Ленин показывают, как буржуазное естествознание смыкается с антипролетарской философией, являя печальную картину безвыходности тупиков идеологического гермафродитизма — материализм эксперимента и чудовищный субъективный идеализм в философии.

В современном буржуазном естествознании мы имеем сочетание стихийного процесса материалистической диалектики и сознательного выполнения в философии заказа империалистической буржуазии, ненавидящей материализм, а тем более диалектический материализм Г. В. Плеханов тоже останавливает внимание своих читателей на новых влияниях в современном ему естествознании; он говорит например о де-Фризе и мутациях в биологии. Он считает необходимым специально коснуться Оствальдовской — идеалистически-энергетической — теории познания. Но Г. В. Плеханов не видит всей значительности той революции, которая происходит в мире естественных наук. Его читатель узнает об отдельных, как бы предреволюционных вспышках, радующих Г. В. Плеханова, в естествознании.

Читатель же, проработавший «Мат. и эмп.» Ленина, убеждается, что здесь уже совершаются глубочайшие перевороты, пассивными зрителями которых мы вместе с Лениным не хотим быть и не остаемся ими.

¹ Ленин. „Мат. и Эмпир.“ Изд. 1931 г. Стр. 206.

Г. В. Плеханову хорошо известно, что буржуазное естествознание в плену у идеализма и метафизики, но он не мобилизует на этом факте — огромной социальной важности — ни собственного внимания, ни внимания своих читателей. Он бьет Маха — стыдливого материалиста в физике и откровенного берклезанца в философии — оружием логики, наносит ему один блестящий удар за другим, он покоряет своего читателя удивительным остроумием и меткостью ударов, но читатель склонен видеть в этом состязании Плеханова с Махом — отдельный эпизод, поединок двух фехтовальщиков, а не драматический бой двух классов, двух эпох, — стареющей, загнивающей буржуазии и молодого, уверенного в силе своего теоретического оружия и победного пролетариата.

Г. В. Плеханов не доценил того нового, что творится в естествознании XX в., и в этом большая слабость его философских работ, как и значительное свидетельство об его поверхностном понимании материалистической диалектики.

Это отношение к современному естествознанию мы находим и у товарищей, стоявших и стоящих на позициях механистической ревизии марксизма-ленинизма. Они — многие из них сами естественники — не сумели не только развить богатейшее наследие Энгельса («Диалектика природы») и Ленина («Мат. и эмпир.», сборники), но даже популяризовать его.

И больше. Они не хотели выйти за пределы естествознания XIX в., сойти с позиций последнего, формально связывая их с марксизмом, оценивая с этих позиций естествознание и XX в. Махистская и виталистическая философия крупнейших современных естественников оказалась для механистов непроницаемым покровом, спрятавшим от них выдающиеся достижения наших лет, — достижения, подтверждающие правоту материалистической диалектики.

Плехановское отношение к современному естествознанию мы находим и у меньшевистствующих идеалистов, которые много говорили об естествознании XX в., но не изучали его и потому схоластицировали марксистско-ленинскую методологию.

Нельзя обойти молчанием и еще одной стороны в философских работах Г. В. Плеханова, на которую указал В. И. Ленин.

Говоря о борьбе Г. В. Плеханова с махистами, он писал в своем письме к Горькому:

«Он всецело прав против них по существу, только не умеет, или не хочет, или ленится сказать это конкретно, обстоятельно, просто».¹

В другом месте В. И. Ленин пишет:

«Плеханов критикует кантианство (и агностицизм) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектико-материалистической точки зрения, поскольку а priori отвергает их рассуждение, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий».²

Смысл этого упрека Ленина по адресу Плеханова становится ясным, когда мы сравниваем, как боролся с агностиками и махистами Плеханов и как боролся сам Ленин.

¹ Ленин, сб. I, стр. 97 — 98.

² Ленин, сб. IX, стр. 179.

Плеханов обыкновенно бил своих противников *извне собственным, формально-логическим оружием*. В процессе полемики он очень часто принимает то или иное положение своего противника, — принимает, конечно, условно, только на время, чтобы показать, что и этому положению противоречит вся концепция того же противника. Благодаря такому методу полемики Плеханов наносит своим врагам смертельные удары, но этим путем все же бьет не столько по *философскому течению* в целом, сколько по его *отдельным представителям*.

У Ленина совершенно иной подход в борьбе с философскими врагами. Ленин бьет не только того или другого противника — не только Богданова, Базарова и др. — но, в их конкретном лице, всю субъективно идеалистическую школу и бьет он ее не ее собственным оружием, а своим, диалектико-материалистическим.

Далее. Когда Ленин бросает упреки Плеханову в вульгарно-материалистической критике, он, повидимому, имеет в виду тот замечательный факт, бросающийся в глаза всем внимательно изучавшим Плеханова, что этот последний, критикуя своего противника, преследует его, как бы *следует* за ним по пятам и в этом *преследовании* противника оказывается большая доля *следования за ним*.

Ленин, напротив, дает совершенно иную постановку вопроса, исходит из других принципов, внося таким образом *свое, собственное*.

Ленин не может и не хочет поставить проблему ни как Кант, ни как Авенариус с Махом. Он ставит проблему как марксист, т. е. конкретно, обстоятельно, просто, диалектически. Плеханов же очень часто ставит вопрос так, как его ставили большие его противники, прежде всего Кант; а отсюда последовательно вытекает весь ход логических рассуждений, логического развертывания темы, подсказанного, вернее *навязанного*, Плеханову его противником. Плеханов удовлетворен, если он вообще разбил своего врага, Ленин же бывает удовлетворен одержанной победой только тогда, когда разгромив противника, он сумел показать, *как надо* ставить вопрос, как надо его решать, а решать его надо только диалектически.

Некоторое поверхностное представление о диалектике, даже пренебрежение к ней, выразилось у Плеханова в его уверенности, что многие существенные философские проблемы можно разрешить правильно, не сходя с проторенных историей человеческой мысли дорог. Отсюда, — заметный логицизм в его работах, крайне слабая развитость решающего для материалиста-диалектика момента: практики как критерия истины; отсюда отрыв от той конкретной исторической обстановки, в которой зародился и развивался тот или иной вопрос.

Ярким примером этого может служить статья Г. В. Плеханова «Философская эволюция Маркса», в которой он эту эволюцию рассматривает оторванно от марксовой политической практики, рассматривает развитие философской мысли Маркса вне связи с его политической деятельностью, не показывает, *что именно* в его революционной практике вынудило порвать с гегелевским самосознанием и спуститься с неба абстракции на реальную землю. Нельзя же принять всерьез то объяснение, которое дает Г. В. Плеханов: «гегелевская философия представляется Марксу во второй период его философского развития в виде фиктивного объединения двух фикций. Два

ноля в сумме или произведении дают ноль!» Нельзя же допустить, чтобы Маркс, уже полный революционного энтузиазма и огня, третируя «алгебру революции» — гегелевскую диалектику!

Хотя Плеханов любил повторять вслед за Гегелем, что истина всегда конкретна, он, в развитии тех или иных положений, очень часто удалялся в сферу голого абстрактного мышления, и здесь сказался с особенной силой его меньшевизм, что мы находим в развернутом и во много раз ухудшенном виде у меньшевистствующих идеалистов. В свою очередь антимарксистские стороны своей философии Г. В. Плеханов клал в основу — в качестве теоретического оружия — своей меньшевистской политики и своих исторических и политических работ.

Философия — партийна, она вся пронизана политикой, и мы видим, как Г. В. Плеханов и в философской области борется с большевизмом, приписывая последнему оппортунизм Базарова, Богданова и некоторых других махистов, бывших большевиками, несмотря на то, что и большевики в целом, и В. И. Ленин безоговорочно и в резкой форме отмежевались от махизма и критиковали его с большей последовательностью, чем это делал Г. В. Плеханов. Мы видим, как нерешительно, с колебаниями, выжидая, вступает он в философскую дискуссию с теми, с кем он занимает одну политическую, меньшевистскую позицию. Мы видим, как он делает им, по партийным фракционным соображениям, уступки в области методологии.

Теоретики II Интернационала в своем подавляющем большинстве, это — кантианцы или махисты, к тому же либо откровенно отвергающие диалектику, либо третирующие ее.

Г. В. Плеханов не хочет ссориться с ними; он стремится сохранить единство в стане меньшевиков, он проводит и в отношении методологии оппортунистическую линию.

Вот слова Г. В. Плеханова, которых никогда не следует забывать, работая над его философскими статьями, и в свете которых многое становится ясным из того, что вычитывается часто только меж строк.

«Философские взгляды «учеников», тяготеющих к немецкой «критической» философии, не похожи на философские взгляды автора «Капитала». Они прекрасно знают и не считают себя последователями его философии. Но это не мешает им признавать справедливость его экономической и философско-исторической теории. И поскольку они разделяют эти его взгляды, они смотрят на общественные вопросы с его точки зрения, они являются его учениками в той же мере, как и те, которые разделяют не только его экономические и философско-исторические, но так же и философские взгляды. Нео-кантианец, признающий справедливость экономической и философско-исторической теории автора «Капитала», в этих пределах может быть таким же верным и последовательным учеником этого знаменитого мыслителя, как и любой из современных материалистов, т. е. тех, которые следуют за автором «Капитала» также и в философии».¹

Надо ли доказывать то, что доказывает сам же Г. В. Плеханов, а именно: без марксистской философии нельзя быть марксистом, нельзя быть «верным и последовательным учеником» Маркса.

Последовательное развитие ревизии философии марксизма неиз-

бежно приводит в антипролетарский стан. Это отлично известно Г. В. Плеханову, но политическая практика его как меньшевика давит на его теорию и подчиняет ее себе.

Все указанные дефекты философии Г. В. Плеханова так или иначе отразились в философии механистической ревизии и меньшевистствующих идеалистов, и это отражение — и не только отражение, а во многих случаях углубление и дальнейшее развертывание — было использовано, используется и в наши дни классовым врагом. Известно, что механицизм есть в основном методология правого оппортунизма, этой главной опасности на нынешнем этапе, а меньшевистствующий идеализм «работает» на контрреволюционный троцкизм. Указание В. И. Ленина на необходимость изучать философские работы Г. В. Плеханова мы должны выполнить, но изучать их надо так, как В. И. Ленин работал над Гегелем: уметь брать все ценное и подвергать большевистской критике все ошибки, все отклонения от марксистско-ленинской линии, малейшие попытки ревизии диалектического материализма.

Издавая этот сборник — хрестоматию, мы выполняем хотя и с большим опозданием указание Ленина. Сборник составлен так, чтобы он мог обслуживать прежде всего широкого читателя, в особенности *учащихся*. С целью дать преимущественно *целые* работы Плеханова, и меньше — отдельные отрывки мы вынуждены были допустить некоторые повторения, встречающиеся у самого Плеханова.

Расположен и сгруппирован материал по возможности так, чтобы положительные и отрицательные стороны философских работ Плеханова могли быть легко отмечены. Так например, правильность упрека Ленина, что Плеханов написал тысячу страниц по философии, а о логике Гегеля почти ничего, иллюстрируется красноречиво этим сборником; точно так же мы видим, насколько верен другой упрек, что у Плеханова диалектика сводится к сумме примеров. Материалы, собранные в данной хрестоматии также ярко показывают, как мало места Плеханов уделил вопросу о *партийности философии и теории* и как неверно он его решал.

Различные ссылки Плеханова на первые источники мы в большинстве случаев исключили, во-первых, потому что необходимо беречь место из-за ограниченного объема хрестоматии, во-вторых, потому, что указываемая литература широким читателем не будет использована, а специально ею интересующийся читатель может обратиться к полному собранию сочинений Г. В. Плеханова, в-третьих, еще потому, что многие книги изданы новыми изданиями и ссылка на старые, очень часто подцензурные издания, едва ли может быть оправдана в популярном, массовом издании.

Весь материал взят из собрания сочинений Г. В. Плеханова, изданного Гиз и Институтом Маркса и Энгельса. Всякий отрывок сопровождается указанием на статью, из которой он приведен, на год, когда эта статья была написана или напечатана и на тот том собрания сочинений, в котором данная статья помещена.

В конце книги даны примечания, в которых дана критика основных ошибок Плеханова. Надо отметить, что в философских работах Плеханова имеется много неточностей в изложении диалектиче-

¹ «Об экономическом факторе», Под зн. м., 4 — 5, 1931 г.

ского материализма, неудачных формулировок. Поскольку в других местах по этим же вопросам на лицо полная ясность и правильность, мы сочли возможным не перегружать отдел примечаний.

Приношу большую благодарность г. Митину за ту товарищескую помощь, которую он мне оказал, давши ряд существенных указаний при моей работе над предисловием и примечаниями.

21 апреля 1933 г.

Вл. Сарбьянов.